

Я хотел бы начать свое сегодняшнее выступление со слов благодарности Жанне Немцовой и команде «Фонда Бориса Немцова» за эту возможность и за приглашение. Я был знаком с покойным Борисом Ефимовичем, мы часто встречались не только в Москве, но и в Киеве, особенно во время Оранжевой революции.

Немцов эту революцию приветствовал. Он был уверен в том, что вышедшие на майдан люди смогут вернуть себе субъектность и не дать Украине скатиться в авторитаризм. И таким образом подать пример и его родной России.

Помня тяжелый опыт 90х годов, я в то время очень верил в возможность изменить систему изнутри. Я верил в то, что Россию может изменить свободный рынок и конкурентный бизнес, что вместе с возможностью зарабатывать по-западному, страна научится и жить, исходя из фундаментальных ценностей Западной цивилизации.

Также я очень верил в силу культуры. В её способность в отсутствие цензуры влиять на людей. Менять их. Заражать и увлекать подлинными ценностями и идеалами.

Как преступно наивен я был...

Моё сегодняшнее выступление - это никоим образом не лекция, но приглашение к откровенному разговору. Мне хочется вместе с вами обсудить какие-то важные для меня вопросы, связанные тем или иным образом с главной темой нашей встречи - темой свободы. И прошу заранее простить мне частое обращение за примерами к культуре, точнее - к кинематографу. В конечном счете, я же кинематографист.

Массовое убийство мирных украинцев в Буче и других украинских городах и селах потрясли меня. Увидев эти кадры, я потерял дар речи. И право говорить о «русской культуре». Тогда я написал свой, кажется, самый жесткий текст: «после Бучи нельзя больше говорить о российской культуре. Она не уберегла российского человека от варварства, от зверства и оскотинивания. Она виновна. Все к ней причастные виновны. Предстоит долгий путь перерождения. И покаяния. Просить прощения поздно.

И не у кого. Их убили, изнасиловали и бросили в ямы в Буче, Ирпене, Гостомеле...».

Я написал эти эмоциональные слова в апреле 2022 года. И испытываю эту эмоцию до сих пор. Нельзя ни забыть, ни простить смерть 501 убитого российскими солдатами мирного украинца в Буче.

Но с тех пор я переосмыслил свои соображения о роли и возможностях культуры.

И не только культуры русской.

Богатейшая культура - литература, музыка, кино - не уберегли Германию от нацизма и Гитлера.

Японию - от военных преступлений в Китае.

Не уберегли Соединенные Штаты от войн во Вьетнаме, Ираке и Афганистане. Бомбардировок Белграда.

Иран - от режима аятолл.

Массовая культура, а я в первую очередь, говорю именно о ней, не справляется в одиночку. Не может справиться в отсутствие осознанного запроса аудитории...

Воспитание дома, образование в школе, привычка к критическому мышлению - наличие всех этих факторов необходимо, чтобы культура могла помочь стать человеку - гражданином. Сформировать столь необходимые для эффективного функционирования демократического общества институты.

Самыми популярными фильмами в России были картины вселенной Marvel или Звездных войн, фильмы, чей основной, если не единственный месседж состоял в абсолютной необходимости честному человеку противостоять злу и авторитаризму.

Одиночке - системе...

Но ведь не помогли?

И феноменальные по популярности книги Джоан Роулинг, учившие своих читателей всех возрастов тому же - тоже не помогли?

Из дня сегодняшнего мне представляется, что культура не может уберечь ни одну страну от морального падения.

Но это не значит, что я отказался от культуры. Разочаровался в ней. Она необходима для людей, сознательно делающих свой выбор.

Отвергающих саму идею рабства, пусть даже рабства «премиум» класса.

Как точно сформулировал эту мысль российский писатель Михаил Шишкин: «Русская литература не спасла от ГУЛАГа, но помогала выжить в стране- ГУЛАГе».

Когда-то в журнале «Юность» (и в юности) я прочитал статью известного физика Фейнберга о функции искусства - это был отголосок важной тогда общественной дискуссии о «физиках» и «лириках».

Мне запомнилась одна мысль, не утратившая актуальности: «Высказать интуитивное суждение словами иногда можно очень просто. Просто, например, сказать: истинному влечению молодых сердец друг к другу не должны мешать соображения семейного престижа, фамильной вражды, что проснувшаяся любовь выше всего этого.

Такое сухое утверждение не имеет ничего общего с искусством. Оно может быть правильным или неправильным.

Можно пытаться доказывать его дискурсивно, но это безнадежная затея, так как можно выдвинуть много разумных опровергающих доводов.

Однако, когда создается „Ромео и Джульетта“, когда эта трагедия исполняется подлинными художниками, догматическое интуитивное суждение приобретает совершенно новую степень убедительности, оно становится, по существу, непреложным».

И это так, ведь лишь искусство способно сформулировать для человеческой жизни правила таким образом, чтобы они воспринимались именно как правила, а не как приглашение к спору. И именно этим занимается искусство с момента, когда первый первобытный человек рассказал своему другу у костра первую историю. Слова политиков, сколь бы ни были они важными и значимыми - забываются. Рукописи и исторические документы - истлевают и теряются, учебники истории - переписываются и каждое следующее поколение представляет себе жизнь поколения предыдущего уже немного хуже.

Именно искусство - ни религия, ни история, ни государство - пронесли сквозь века те ценности, которые мы сегодня считаем непреложными. Те права человека, которые мы считаем неотъемлемыми.

Наши представления о добре и зле, наше понимание рабства и свободы. От Каира до Иерусалима 726 километров. Согласно гугл-картам, этот путь пешком человек может преодолеть примерно за шесть дней. Моисей же водил вышедших из Египта евреев по пустыне 40 лет. Почему? Мы знаем ответ на этот вопрос.

Шутливая его версия звучит так: «чтобы найти на Ближнем востоке единственное место, где нет ни нефти, ни газа».

Настоящая же причина в другом: Моисей ждал, чтобы умер последний из рожденных в рабстве, потому что рабы не могут выстроить свободное общество.

Эта мысль с началом войны тоже воспринимается иначе и вот почему.

Это не только мое убеждение, очень много уважаемых авторов и экспертов сходятся во мнении, что одной из причин, по которой Владимир Путин решился на вторжение, стал его возраст.

Осознание собственной смертности.

Владимир Путин видит себя последним представителем поколения, которое воспринимает Украину как угрозу и которое может решить, как им кажется, экзистенциальную для России проблему и восстановить былое величие. Путин знает, что никто, кроме него, не стал бы этим заниматься. Знает в том числе и на собственном опыте, на опыте «предательства» Дмитрия Медведева, который, будучи президентом, «позволил» Америке убить Муаммара Каддафи.

Рожденные в рабстве становились сами подчас самыми жестокими надсмотрщиками на плантации и рожденный в СССР Владимир Путин

сегодня ведет войну не просто, как ему кажется, за существование сильной России, а за родное ему пространство несвободы.

За право России быть несвободной.

За то, чтобы перечеркнуть опыт последних тридцати лет.

Подтверждения этому мы видим и в новостях с фронта, где с российской стороны воюют возрастные солдаты, в подавляющем большинстве старше 40 лет, а порой и 50.

Молодое же поколение пусть лишь отчасти, но уберегли несколько постсоветских десятилетий. Да, эти десятилетия «подарили» нам такое явление как школьники-сталинисты, но они же дали нам поколение граждан, сознательно отказавшихся поддержать войну.

То поколение, которое - дома или в эмиграции - занимается антивоенной деятельностью, помогает беженцам, старается в самых сложных обстоятельствах оставаться людьми.

Если бы Владимир Путин не начал именно сейчас свою войну, пока рожденные в Советском Союзе еще могут держать в руках автомат, было бы уже поздно. Потому что слишком многие молодые не хотят войны, не хотят империи и зачем-то хотят жить мирную спокойную жизнь.

Для рожденных в рабстве цена свободы всё еще абстрактна, потому что для них эфемерна сама концепция свободы.

Сама возможность выбора.

Владимир Путин образца 2022 года или даже Владимир Путин образца 2014 года не появился из воздуха, это был политический лидер, находившийся у власти годами.

И моральные компромиссы, на которые многие из нас шли в начале нулевых, разительно отличались от компромиссов сегодняшних.

Тогда это были простые вопросы.

Взять или не взять деньги.

Выступить или промолчать.

Пойти на маленькую незначительную сделку с совестью или нет.

Мария Певчих в своем громком интервью призывает не только россиян, но всех нас отказаться от практики «морального релятивизма».

То есть, перестать находить оправдания сотрудничеству с тираном. Можно ли сотрудничать с Путиным ради спасения больных детей?

Или ради создания замечательных произведений искусства, пробуждающих лучшее в людях?

Виновна ли Чулпан Хаматова в том, что выступила доверенным лицом Владимира Путина в обмен на тысячи спасенных детских жизней?

Это та самая «цена свободы».

Тот самый вопрос про «слезинку ребенка», ответ на который искал Федор Достоевский.

И это вопрос, на который у меня точно нет ответа и, подозреваю, на который однозначно ответить не смогут очень многие.

Этот вопрос не абстрактный.

С началом войны из-за санкций прекратились поставки многих лекарств, в том числе жизненно важных.

Заслуживают ли, например, онкобольные русские дети смерти? Или старики?

Или люди, не высказавшиеся громко против войны?

Порой бывает, что занимающиеся поставкой лекарств России вольно или невольно нарушают санкции.

Более того, подчас они вынуждены сотрудничать с российскими властями. Ради спасения очень конкретных людей.

Легко ли в такой ситуации сказать «пусть умирают»? Конечно, нет.

Вот она - цена свободы.

Но мне кажется, что обсуждая этот вопрос, мы упускаем главное:

если мы оказываемся в той точке, в которой перед нами появляется выбор «поддержать тирана» или «спасти ребенка», то мы УЖЕ проиграли.

Это главное мое соображение, которым я бы хотел поделиться сегодня в своей речи.

Наш сегодняшний исторический опыт дает нам ключ к будущему.

Понимание того, каких ошибок мы можем избежать, чтобы снова не оказаться перед выбором, в котором цена свободы неожиданно окажется катастрофически высока.

Казалось бы, как страна, пережившая трагедию Второй мировой, может захотеть «снова повторить»?

Но ведь ответ прост - уроки той войны не выучены.

Их отчетливо понимали те, кто войну прожил и мы знаем это и по советскому антивоенному кино, и по опыту жизни в Советском Союзе, в котором слова «лишь бы не было войны» говорились абсолютно искренне и имели настоящее значение.

Поколение Владимира Путина не знало войны, не знало ужасов и трагедии, но знало комфорт жизни раба в Великой империи. Не зная по-настоящему и на собственном опыте цену, которую заплатили предыдущие поколения за строительство этой империи он и смог с такой легкостью начать новую войну.

Историческая память невероятно важна. Мы ведь слышали ставшие штампом слова о том, что историю необходимо учить, дабы не повторять её ошибок? Оказалось, что учить недостаточно. Более того - оказалось, что индивидуальный героизм не спасает. И индивидуальное благородство.

Спасают общественные институты, которые должно создавать общество и

от работы над которыми российское общество отказалось по собственной воле.

Сегодня сухие слова из учебников истории становятся для нас болезненным и даже трагичным личным жизненным опытом и это наш шанс - проговорить наш опыт последних лет и приложить все усилия, чтобы никогда не допустить его повторения. Мир, в котором мы все проснулись 24 февраля 2022 года стал возможен не только благодаря единоличному решению одного человека. Не только его злая воля начала войну - война стала суммой всех маленьких компромиссов, на которые мы каждый день шли на протяжении десятилетий. Компромиссов казалось бы незначительных и неважных, но приведших к по-настоящему чудовищным последствиям.

Понимая сегодня невозможность настоящего компромисса с совестью, мы должны также понять недопустимость в будущем этих маленьких компромиссов.

Я говорил о том, что среди поколения рожденных в постсоветской России многие не хотят воевать и действуют более свободно, чем поколения их родителей - во многом произошло это и благодаря культуре.

Благодаря упомянутым мной выше книгам и фильмам, благодаря музыке и комиксам. Да, культура не может уберечь всю огромную нацию от падения, но она может помочь отдельным - быть может лучшим - её представителям остаться людьми.

Сохранить честь и достоинство и может быть шанс на изменение страны в будущем.

В этом историческая роль культуры. Много веков человечество строит свой культурный «Ноев ковчег», с помощью которого после очередного потопа можно будет выстроить здоровое общество.

Великие фильмы и великие романы дают зрителям и читателям не просто знания, они дают возможность прожить чужие жизни, эмоционально подключиться к важнейшим событиям истории и как результат - измениться. Вырасти. Стать лучше.

И здесь, наверное, стоит сказать, что функция эта есть не только у «высокой» культуры, но и у массовой - вопрос лишь в желании человека.

Понимаю сегодня отчетливо несовершенство подхода, опирающегося исключительно на культуру, но я всё же искренне верю, что именно она дает нам сегодня шанс на будущее.

Может ли она сделать людей свободными? Помочь осмыслить чужой сложный жизненный опыт дороги к свободе?

Желающих - да. Культура не защитник и не учитель, но собеседник.

Несколько поколений моей семьи были связаны с кино. И тема свободы для кино невероятно важна, в том числе, например, для кино голливудского, для знаменитых и любимых многими фильмов.

И то как голливудское кино говорило на эту тему, порой, вызывало у многих из нас - людей моего поколения и жизненного опыта - признаюсь, внутреннее смущение. Мы немного морщились, слушая монологи героев Аарона Соркина, слова героя Мела Гибсона из «Храброго сердца» - «вы можете забрать нашу жизнь, но не можете забрать свободу» или монолог президента США из фильма «День независимости» Рональда Эммериха. Этот героический кино-идеализм казался нам излишне пафосным и даже вызывал чувство неловкости.

А потом случилась война. И неожиданно всё то, что прежде казалось пафосным, литературным или ненастоящим, оказалось единственно важным.

Война принесла ясность. Всю жизнь я много читаю и я, конечно, читал множество книг - как художественных, так и нон-фикшн о Второй мировой, о Холокосте. Я читал мемуары и неизбежно наткнулся на это ощущение полной ясности. Отсутствия любых моральных сомнений. Но этот книжный опыт был для меня неорганичным, мне нравилось воспринимать и видеть мир вокруг сложноустроенным, неоднозначным - в конце концов именно эта неоднозначность и является предметом исследования любимого мною авторского кинематографа. Кинематографа морального беспокойства. Недавно в одном из интервью меня спросили о том, понимаю ли я, как сильно разнятся между собой россияне. Как много среди них честных и совестливых людей. Спросили с укором, явно подозревая, что я, несмотря на многие годы жизни в России и отношений с представителями культурного истеблишмента, взялся судить недавних коллег, соседей и друзей.

Я никогда не позволю себе кого-либо «судить», но многое вижу иначе.

У нас сегодня разный эмоциональный опыт. Объясню.

24 февраля изменило оптику навсегда. Война дала предельную ясность, сделала мир черно-белым.

Впервые в моей жизни я всё понимаю о человеке по тому, какую позицию он занимает. Говорю это не в осуждение, но как констатацию факта.

И неожиданно люди, которых ты считал приличными, промолчали, живут, не замечая. Или, того хуже, поддержали. Зиганули.

И наоборот - неожиданно те, кого ты подозревал в цинизме и приспособленчестве проявили себя как люди с большой буквы.

Украина - страна, в которой я, моя семья, мои родители, дедушки и бабушки родились. Выросли, прожили жизнь.

Сегодня у каждого (!) украинца горе.

Родственник или знакомый, друг, отец или сын.

Убит, расстрелян, замучен, попал под бомбы, умер в плену, вынужден покинуть дом...

Я вижу это своими глазами в Украине, слышу от беженцев, от военных экспертов, от военных, защищающих свою страну, от российских пленных, выступающих по украинскому телевидению.

Я слышу вой сирен по всей Украине, я знаю семьи, потерявшие близких, я был на похоронах погибших. Сегодня не осталось украинца, которого тем или иным образом не коснулась бы эта проклятая война и для Украины, сражающейся за независимость, за культуру и национальную идентичность, за свой язык и государственность - для Украины свобода стоит тысячи жизней лучших её граждан.

До войны мы думали о цене свободы иначе. Точно не в практическом смысле.

Какова же цена свободы для России?

Я очень хорошо помню 80-е и 90-е годы и я помню - я видел это своими глазами - многомиллионные демонстрации еще тогда в Советском Союзе. Демонстрации за свободу, за изменения и перемены.

И, глядя на то, как мало людей в сравнении с тем временем, выходили на улицу в путинской России, я задавался вопросом: что же случилось?

Куда исчезли те люди? Или что изменилось в них самих?

Для себя я нашел вот какой ответ: в Советском Союзе на улицы выходили люди, которым нечего было терять. Все они, точнее все мы тогда, жили в более-менее одинаковых двухкомнатных квартирах, получали примерно одинаковую зарплату, стояли в одних и тех же очередях за югославской мебелью и ездили на одних и тех же поездах и электричках в Москву за колбасой.

Ситуация же в путинской России была принципиально иной: сытые нулевые повысили ставки. Теперь гражданам стало что терять - комфортную жизнь с новыми, прежде невиданными возможностями.

Просто задумайтесь, в истории России - во всей истории России! - не было периода, когда такое количество граждан страны могли жить так хорошо и комфортно. Могли позволить себе покупать дорогие вещи, путешествовать, устраивать будущее детям.

Никогда прежде в истории.

В начале XXI века часть России продала свободу в обмен на достаток. Сытое настоящее - вот цена свободы.

Режиму Владимира Путина нужны были послушные люди, которые перестанут интересоваться судьбой страны, согласятся с тем, что «там тоже не дураки сидят» и займутся выстраиванием своей комфортной аполитичной жизни.

Но точно так ему нужны были и нищие, те, кого он убедил в простой мысли - без меня будет хуже. Те, кто безропотно поехал убивать в Украину, потому как даже риск смерти на войне перевешивал на чаше весов качество их каждодневной жизни.

В сытые нулевые нам всем было что терять. Кому-то — достаток, а кому-то — возможность выжить.

Я регулярно слышу, как мне кажется, совершенно несправедливые утверждения о том, что у украинцев де свобода в крови, а россияне - нация рабов. В качестве доказательства этому приводятся успешные украинские революции и просто сам факт того, что за последние тридцать лет в Украине сменилось шесть президентов, в то время как в России за то же время был 8 лет правления Ельцина, а потом - исключительно Путин. Уже 23 года.

Почему же тогда у Украины и украинцев получилось выстроить работающую демократию со сменяемостью власти, а у россиян - нет? Ответ довольно прост: в Украине, в отличие от России, существовали серьезные региональные группировки, конкурировавшие за власть более-менее на равных. Ни одна из них не могла одержать над другой решительную победу, в результате нескольких десятилетий политической борьбы все участники пришли к выводу, что проще договариваться - идти на компромиссы, уважать единые для всех правила игры.

Ситуация в России же была принципиально иной: отсутствие достаточно сильных региональных элит, способных не только отстаивать свои права, но и претендовать на власть, привели к ситуации, когда центру оказалось очень просто купить или посадить всех несогласных и консолидировать власть в одних руках.

Мы говорим, что за свободу необходимо «бороться», несвобода же ежедневно борется за нас, каждый день предлагая нам новые и новые маленькие «моральные компромиссы», сулящие весомые дивиденды. Выше я использовал в своей речи слово «рабство». Давайте вернемся к нему на секунду и вспомним, что именно лежит в основе этого понятия: раб - не хозяин своей судьбы, он не несет за неё ответственность - это прерогатива и привилегия хозяина. И именно это обстоятельство для многих из нас оказалось столь соблазнительным - переложить ответственность на кого-то другого, осознанно отказаться от ответственности за страну и всех связанных с ней хлопот и сложностей. В отличие от свободы - несвобода не подразумевает ответственности, она от неё освобождает, даря человеку комфортное ощущение стабильности и

покоя, в котором он предоставлен своим собственным делам, добровольно отдавая вопросы своей судьбы и судьбы своей страны «начальству».

Режиссер Кира Коваленко, с которой мы вместе сделали фильм «Разжимая кулаки», один из победителей Каннского кинофестиваля 2021 года часто в интервью повторяла цитату из романа Фолкнера «Осквернитель праха»: «немногие могут выдержать рабство, но никто не способен выдержать свободы».

Здесь я хотел бы вспомнить в качестве примера интервью миллиардера Андрея Мельниченко газете Financial Times. В нем я увидел отражение целой эпохи «развитого путинизма». И законченный образ человека этой эпохи: очень богатого, очень образованного, очень умного, сумевшего выстроить эффективный многомиллиардный бизнес и при этом предельно инфантильного. Законченный образ несвободного человека.

Мельниченко с возмущением говорит, что он не чувствует собственной ответственности за войну. В его понимании войну развязал даже не Путин - он всячески обходит упоминание имени российского президента - а некие силы. Спровоцировали мировые лидеры. Принял решение кто-то очевидно умный и значительно более компетентный, чем он, ведь если кто-то обладает такой властью, значит он по определению мудрее и ему видно что-то, скрытое от простых смертных. Пусть даже и миллиардеров. Выражение «там тоже не дураки сидят» стало прибежищем для миллионов, потому что оно сняло с них ответственность.

Мы не знаем всех обстоятельств, значит дела государственные - не нашего ума дела. Другое знакомое вам выражение - «всё не так однозначно». «Всей правды мы никогда не узнаем». В этих словах также нашли успокоение миллионы людей.

Сознательно и последовательно усложняя и запутывая картину мира, они тем самым снимают с себя ответственность. И шаг за шагом миллионы людей говорили себе «зачем ходить на выборы?» всё равно наш выбор ничего не меняет.

И на митинги не надо ходить - в Кремле не дураки сидят.

И не надо протестовать против войны - всей правды мы никогда не узнаем.

В том самом интервью Мельниченко, отвечая на вопрос, почему 24 февраля он пошел на встречу с президентом Путиным, объясняет журналисту FT абсолютно очевидную ему вещь - «когда летят ракеты и самолеты - как я мог не пойти?»

Это то, о чем я говорил выше: человек, который последовательно снимал с себя ответственность за жизнь своей страны в мирное время, не чувствует её в момент начала преступной войны. Более того. Он не понимает, что в этот момент у него есть выбор.

Если на мирную соседскую страну летят ракеты, как я могу отказаться? Мысленно сравните эту сцену со сценой в берлинском аэропорту, когда Алексей Навальный, отказавшись от предложения Ангелы Меркель остаться в Германии, садится в аэропорту «Бранденбург» на рейс авиакомпании «Победа» до Москвы.

Понимал ли он, что его ждет в России? Вне всяких сомнений. Почему же он тогда не поступил как Мельниченко, не выбрал путь наименьшего сопротивления и не сделал выбор, исходя из абсолютно рациональных соображений? Потому, что он чувствовал ответственность за судьбу своей страны. И осознавал цену свободы, которую порой необходимо платить честным людям.

Выше я говорил, что культура может стать для нации собеседником и помочь тем, кто ищет ответы. Но это не единственная функция культуры. Она может быть не только собеседником, но и психотерапевтом. Нет, культура не может защитить народ от оскотинивания, от чудовищных преступлений, от нищеты и бесправия, но культура может стать для нас инструментом, который поможет впредь больше не платить страшную цену за свободу.

Ответы на вопросы о поведении россиян во время войны, в том числе, дает фильм Бернардо Бертолуччи «Конформист», сделанный 1970 года. «Конформист» предлагает зрителям взглянуть на тоталитаризм с фрейдистской точки зрения.

Истоки фашизма обнаруживаются в страхе одиночки и желании примкнуть к толпе. Слабый герой становится частью сильного фашистского общества и таким образом получает смысл жизни.

Соглашательство - это плата за психологическую защиту. Или «Пятая печать» Золтана Фабрика.

В Будапеште 44-го года в компании четырех друзей один предлагает другим мысленный эксперимент: «Представьте себе остров, которым правит жестокий тиран, мучитель и убийца. И есть раб, которого тиран каждый день подвергает жестоким истязаниям: вырывает язык, выкалывает глаза, насилует и убивает дочь и сына раба. Раб утешает себя тем, что совесть его чиста. А тирану даже и в голову не приходит, что он делает что-то плохое... И вот вам предстоит выбор – стать либо тираном, либо рабом. Только эти две возможности, никаких других. Что вы выберете?»

Трое героев признают, что выбрали бы жизнь тирана – кто же добровольно выберет долю несчастного раба? Их разговор слышит случайный посетитель кабака, который влезает в спор и говорит - а я выбрал бы долю раба. Четверо друзей ему не верят и уязвленный человек решает отомстить – донести в тайную полицию о том, что четверо друзей ведут

протестные разговоры. На следующий день всех четверых арестовывают и доставляют в тайную полицию, где они оказываются перед тем самым выбором.

Наконец «Мефисто» Иштвана Сабо. Главный герой - актер Хендрик Хефген, играющий в спектакле «Фауст», неожиданно обретает популярность среди приходящих к власти нацистов. В то время, как друзья и коллеги бегут из Германии, не желая сотрудничать с режимом, неуёмное честолюбие Хендрика подвигает его на сотрудничество с властью, делает его директором Государственного театра в Берлине...

Я называю великие классические кинопроизведения, которые предлагали всем ищущим ответы на самые главные вопросы - о себе, о мире, об обществе и морали.

Но эти ответы были доступны лишь тем, кто искал их.

Легко отмахнуться от приведенных мной примеров, сказав, что я говорю о классическом кинематографе, не интересном массовому зрителю. И может быть это правда. Но массовая культура - особенно сейчас и сегодня - тоже давно перестала стесняться острых тем и серьезного разговора. Главные американские платформы и телеканалы - HBO и Amazon Prime - снимают сериалы стоимостью в десятки миллионов долларов, в которых лучшие авторы современного телевидения рассказывают максимально широкой аудитории о том, как легко может общество принять фашизм. Как легко огромная Америка может согласиться с существованием концлагерей и научиться вскидывать руку в фашистском приветствии - об этом с американским зрителем говорили авторы сериалов «Человек в высоком замке» или «Заговор против Америки».

И миллионы зрителей смотрели эти сериалы. Да, невозможно сказать, что такой разговор - это панацея, особенно для такой максимально поляризованной страны как современные Соединенные Штаты, но само наличие таких историй может служить прививкой миллионам зрителей, готовых к подобному откровенному разговору. Сегодня нет исторического преступления или несправедливости или ужасной страницы истории почти любого западного государства, которая бы не стала предметом исследования лучших современных авторов, как независимого, так и массового кинематографа!

Необходимо умение слышать правду, сколько горькой она бы ни была. Умение понимать свои недостатки и слышать о своих ошибках, чтобы исправить их.

Это тоже цена свободы. Я убежден, что только так мы сможем изжить комплексы прошлого, которые тянут нас к комфортной и спокойной несвободе. И вот в этом нам и может помочь и кинематограф и культура.

Со времен античных трагедий человечество смотрит, читает и слушает истории о сильных героях, бросающих вызов богам и судьбе, выступающих против предначертанного. И это важно для романов и кинофильмов, но в реальной жизни у наций нет predetermined судьбы, нет неотвратимого финала или данной богом миссии.

У нас всегда есть выбор и всегда есть возможность изменить нашу судьбу и судьбу своей страны - то есть выбрать свободу.